

Телефон продолжал настойчиво звонить. Пэй Цинъи хотел просто отклонить вызов, но, подумав, всё же ответил.

С другой стороны раздался гневный крик, полный ругательства. Пэй Цинъи отодвинул телефон от уха, его лицо оставалось бесстрастным, и на все слова он лишь коротко соглашался.

Накричавшись, тот немного успокоился и объяснил: у Юй Аня есть сцена, которую он считает слишком тяжёлой и сниматься не хочет, поэтому снова нужен дублёр. Съёмки начнутся через несколько дней, они уже почти отчаялись найти Пэй Цинъи, и если бы не отсутствие подходящих кандидатов, давно бы взяли другого.

Пэй Цинъи слушал, как человек на другом конце торопливо объясняет детали, спрашивая, когда он сможет приехать. Пэй Цинъи ответил, что он свободен и готов следовать их планам, затем положил трубку.

За окном шёл дождь уже два дня, и атмосфера была угнетающей. Шэнь Цзюнь не отменил свои дела из-за погоды: как обычно позавтракал, ушёл в офис и вернулся вечером около семи. У него не было времени, чтобы проводить его с Пэй Цинъи.

Пэй Цинъи целыми днями оставался в большом дворе, но не скучал. Шэнь Минъянь часто навещала его, и они больше не вспоминали о том разговоре.

Как и раньше, она называла его тётушкой, весело водила его по окрестностям и, пользуясь дождливой погодой, устроила для него экскурсию.

Шэнь Минкэ пришёл в дождливую ночь, когда за окном было темно, в облаках вспыхивали молнии и гремел гром.

Пэй Цинъи вышел из спальни, чтобы спросить Шэнь Цзюня, не пора ли спать, и увидел, как в дом вошёл молодой человек в длинном чёрном плаще.

Молча сняв плащ, он сразу же с грохотом опустился на колени перед мужчиной, низко склонив голову.

— Дядя, — глухо произнёс он. Это был Шэнь Минкэ.

Шэнь Цзюнь, читавший газету в гостиной, нахмурился, увидев перед собой коленопреклонённую фигуру.

Он поднял глаза на Пэй Цинъи, застывшего в дверях, и сказал:

— Иди внутрь.

Пэй Цинъи слегка кивнул и молча вошёл в спальню, оставив дверь приоткрытой, чтобы слышать негромкий разговор в гостиной.

Шэнь Минкэ пришёл извиниться — или, вернее, его заставил отец.

Он не хотел приходить: ему уже за двадцать, есть самолюбие, как можно вот так взять и встать на колени? Но Шэнь Фэн пришёл в ярость, потребовал лично просить прощения, и даже мать не смогла его успокоить. Тот сказал: если дело дойдёт до деда, тебя могут и вовсе выгнать, тогда и фамилию Шэнь носить не сможешь. Шэнь Минкэ испугался и пришёл под дождём.

— Дядя, я тогда не рассчитал сил, действовал сгоряча, поэтому... В общем, наказывайте как

хотите.

Молодой человек, стиснув зубы, решился и сзади достал железный прут, который вручил ему отец, и протянул его двумя руками:

— Отец сказал: бейте, дядя, как сочтёте нужным. Только не калечьте, мне ещё жениться и детей заводить.

Первая часть звучала твёрдо, а вторая — уже не так уверенно.

Шэнь Цзюнь взглянул на прут толщиной с запястье взрослого человека. Удари он по-настоящему — и от человека мало что останется.

— Не надо, я не буду тебя бить, — спокойно сказал Шэнь Цзюнь. — Возвращайся.

— Д-дядя?

Шэнь Минкэ поднял голову, поражённый такой лёгкой поблажкой. Ведь он опозорил дядю, а Шэнь Цзюнь, как он знал, не отличался особой снисходительностью.

Но Шэнь Цзюнь молча встал, слегка наклонился и тихо произнёс:

— Я не хочу бить тебя при нём. Быстро катись на задний двор. Сейчас же.

Шэнь Минкэ только и смог, что пробормотать:

— Спасибо, дядя.

Не скажи он этого — ему бы, пожалуй, досталось ещё сильнее.

С детства Шэнь Минкэ никого не боялся, кроме этого дяди, который был старше его всего на десять лет. Выросшие с ним двоюродные братья тоже говорили, что больше всего опасаются именно дядю. Причина проста: в их семье были строгие правила, и за проступки младших полагалось наказание, а исполнял его третий господин Шэнь — Шэнь Цзюнь.

Шэнь Фэн, будучи старшим, уже не брался за розги сам. Вторым господином, Шэнь Чжэн, часто отсутствовал, да и даже если был дома, никто не решался поручить ему наказание.

Однажды Шэнь Чжэн, встретив одного из племянников, который приставал к студентке, был так взбешён стариком, что приказал бить того до смерти. Проживший долгие годы в армии Шэнь Чжэн и вправду бил, не зная пощады, — тот племянник пролежал в постели несколько месяцев, да и сейчас ещё прихрамывает. Больше он не смел приставать к девушкам, прикрываясь именем семьи Шэнь.

Хотя все и говорили, что их дядя — самый мягкий среди старших, на самом деле самый учтивый с виду и был тем, кто «ест и костей не выплёвывает». Шэнь Цзюнь, исполняя семейные наказания, знал меру: умел заставить извиваться от боли, но при этом не калечил по-настоящему. Из младшего поколения, кроме девочек, не было никого, кого бы он не отлупил.

Шэнь Минкэ вспомнил, как его последний раз наказывали во время новогоднего ужина. Он из-за пустяка, да ещё выпив, возразил деду. Отец в тот день ничего не сказал, а на следующий отвёл его во двор к Шэнь Цзюню — чтобы как следует проучил.

Тот урок он запомнил на всю жизнь: пролежал аж до десятого числа первого месяца.

Пэй Цинъи, стоя у двери, услышал, как голоса затихли, затем раздался звук закрывающейся двери. Он подумал, что Шэнь Цзюнь сейчас войдёт, подошёл к кровати и прилёг, ожидая его. Но прошло много времени, а тот так и не появился.

Шэнь Цзюнь вернулся только через полчаса, переодевшись в свежую одежду.

— Где был? — спросил Пэй Цинъи, заметив, что снятая одежда промокла насквозь.

— Вышел во двор, дождь разошёлся не на шутку.

Мужчина, видя, что тот ещё не спит, мягко спросил:

— Разве я не просил тебя лечь?

— Без тебя не могу уснуть.

— Правда? — Шэнь Цзюнь приподнял одеяло, лёг рядом, полусидя на кровати, и начал медленно разминать запястье. — Ну вот я и пришёл, теперь спи спокойно.

Пэй Цинъи, заметив его движение, с беспокойством спросил:

— Запястье болит? Давайте я помассирую.

— Хорошо.

Шэнь Цзюнь положил руку ему на грудь. Пэй Цинъи, опустив голову, взял его крупную, с чёткими суставами кисть и начал аккуратно разминать, движениями лёгкими, но уверенными, явно привычными.

— Учился этому? — спросил Шэнь Цзюнь.

— Учился, — тихо ответил Пэй Цинъи. — Когда бабушка была жива, я часто делал ей массаж. Суставы у неё болели.

— Понятно.

Шэнь Цзюнь позволил ему помассировать руку, пока та не перестала ныть, затем легонько похлопал его:

— Спи. Дождь эти дни не прекратится, так что не нужно рано вставать, чтобы навестить родителей.

Пэй Цинъи сказал «хорошо» и, как обычно, слегка склонил голову, прижавшись к нему.

За окном шуршал дождь, в комнате горел один мягкий жёлтый светильник. Пэй Цинъи ещё хотел спросить о визите Шэнь Минкэ, но, оказавшись в его объятиях, забыл об этом. Сон накрыл его с головой, и он погрузился в долгий, спокойный сон, которого давно не испытывал.

Проснулся он от аромата хлеба, доносившегося из гостиной.

Тётушка Вэнь приготовила тосты, сыр и сэндвичи. На столе лежали нарезанные апельсины и тарелка с очищенными орехами, в маленьких стеклянных баночках — разные джемы. Рядом

стояли стакан тёплого молока и свежавыжатый овощной сок. Завтрак был простым, но сытным.

Шэнь Цзюнь дождался, пока Пэй Цинъи умоется, и они вместе сели за стол. Под конец завтрака он вдруг сказал:

— На следующей неделе пойдём оформлять брак.

Пэй Цинъи как раз отправлял в рот дольку апельсина и замер. Сочная мякоть лопнула, и сок потек по его губам. Шэнь Цзюнь, улыбаясь, вытер его белоснежным платком:

— Так удивился? Мы же уже давно всё решили.

— Нет, нет, — Пэй Цинъи покачал головой и, подняв на него глаза, улыбнулся. — Просто я так обрадовался, что растерялся.

— Врать нехорошо, — сказал Шэнь Цзюнь.

<http://bllate.org/book/15935/1424306>